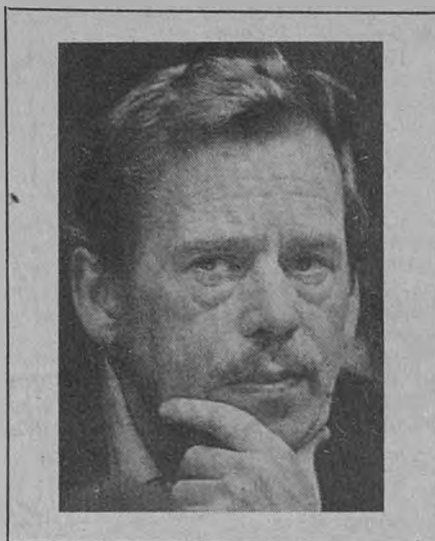

«Язык — сотворец

ЖИЗНИ»

сов. журналистика. — 1990. — 24 февр. — С. 12-13

Президент Вацлав Гавел и его пьесы

ПОМНЮ август 1968 года. Гагра. В Доме творчества писателей среди нас оказались два чеха — поэт и переводчик. Мой друг Михаил Лукошин был с ними в приятельских отношениях. Мы часто встречались вместе, ходили на пляж. Помню, рано утром нас остановил один из них — бледный, взъерошенный, враз поседевший (раньше не замечал у него седины) — и прокричал: «Все, Миша, все кончено, в Прагу вошли советские танки...»

Мы все ходили тогда в каком-то оцепенении.

Потом, уже в Москве, узнавали подробности этой трагедии. Сергей Юрский и мой коллега Григорий Хайченко вместе с потрясенной Еленой Сергеевной Булгаковой оказались в ту августовскую ночь в Праге. Оглушенные грохотом танков, двигавшихся по улицам спящего города, они втроем пробирались к вокзалу... От них-то мы узнали многое.

Тяжкой болью легло то лето на наши души. У меня в Праге живет мой любимый гитисовский ученик, театролог и актер Леош Сухаджипа. Леош не принял ввода советских войск и попал в оппозицию. Его гнали отовсюду. Он переводил с русского на чешский язык драмы Чехова, но ему запретили ставить на переводах свою фамилию. Трижды я был потом в Праге. И всякий раз мне не могли сказать, где Сухаджипа, что с ним. Только в один из приездов, в 1984 году, девушка-переводчица из уличного телефона-автомата соединила меня с ним. Мы встретились. Он перенес сильнейший инфаркт, работал в провинциальном театре. В его глазах чуть вспыхнул луч надежды: кажется, разрешили печататься под собственным именем...

Все это вспоминаю неспроста. Мы пережили тяжелейшее время, вместе перестрадали и хлебнули всего предостаточно. В годы гнетущего застоя и безвременья государственно-бюрократический аппарат у нас и в Чехословакии ломал жизни инакомыслящих. Тяжко доставалось сильным и волевым личностям, не сломавшимся, твердо стоящим на своих позициях.

СРЕДИ таких людей в Чехословакии выделяется пятидесятилетний Вацлав Гавел, признанный в мире интеллектуал, лидер гражданского форума, теперешний президент Чехословакии. Выходец из образованной и обеспеченной семьи (его родители владели киностудией «Баррандов»), Гавел прошел тернистый путь «внутреннего диссидента», восставшего против беззакония и плутократии авторитарного режима. Он трудился с юных лет. Сначала работал лаборантом, а по вечерам учился, окончил гимназию. Не всегда ему удавалось найти работу. Одно время был вынужден трудиться на пивоварне. Потом вместе с женой жил литературным трудом. Добровольно избрал профессию защитника свободы и народных интересов. Страдал за это и терпел. По стойкости духа, я думаю, он близок к Андрею Сахарову.

В начале 60-х годов Вацлав Гавел вступил на стезю драматурга. Ирония и сатира, неприятие бюрократии, коррупции, душевной дряхлости и опусто-

шенности выделили его среди литераторов. Он подружился с Павлом Когоутом, в то время известным драматургом, чьи пьесы шли в ЧССР, в Европе и у нас до лета 1968 года, после чего были запрещены и изъяты — и в Чехословакии, и СССР.

Такая же участь постигла и сочинения В. Гавела. Более двух десятилетий стражи госбезопасности ЧССР не пускали на сцену его пьесы. Успели пройти только две — «Торжество в саду» и «Уведомление». А после 1968 года на его творчестве был окончательно поставлен крест: имя Гавела исчезло из «театральной географии» родной страны.

Гавел не сдавался. Его голос слышали друзья демократии и свободы. В семидесятых годах он был одним из создателей «Хартии-77» — запрещенного манифеста левых демократических сил ЧССР. За чтение хартии, за сочувствие ее идеям сажали в тюрьму. Гавел несколько раз подвергался арестам. Последний раз — в 1989 году за участие в студенческой демонстрации в Праге. Он был осужден на девять месяцев тюрьмы. Вышел — и снова в гущу событий, которые потрясли Чехословакию и в итоге завершили его избранием в президенты. В листовках тех бурных декабрьских дней под его портретом были напечатаны слова, ставшие афоризмом и смыслом всей его жизни, его программой: «Правда и любовь победят ложь и ненависть».

За победу заплачено сполна. Подсчитано: за два десятилетия Вацлав Гавел просидел под арестом около пяти лет.

Известно, что рукописи не горят. И еще: им не подвластны ни решетки темницы, ни надзоры, ни репрессии: они все равно находят своих читателей. Благодаря самиздату мы читали в страшные годы «В круге первом» А. Солженицына, «Крутой маршрут» Е. Гинзбург и многое другое. В Чехословакии в списках и в заграничных изданиях ходили пьесы Гавела и Когоута.

Несмотря на запреты, у пьес Гавела была и театральная жизнь. У всех де-сяти пьес и одной радиодрамы. Они

жили не у нас и не в Чехословакии, а в театрах Европы, США и Латинской Америки. Хорошо, что мир смотрит спектакли по его пьесам, но на родине они пока не прошли, не сделали того, что могли бы сделать. Теперь им открыта дорога на сцену ЧССР и Советского Союза. Знаю, что Гавел хотел бы, чтобы его поставил в Театре на Таганке Юрий Любимов, у которого давно на руках пьесы автора-президента. Что же, это шаг добрый, будем ждать премьеры.

В ПОСЛЕДНИЕ годы мне приходилось не раз слышать о драматургии Гавела. Недавно повезло: переводчица с чешского Нина Николаева, которая переводила пьесы Гавела в самые трудные для него времена, помогла познакомиться с сочинениями этого оригинального писателя. Я вошел в сложный, обнаженный по своей социальной и гражданской правде мир, ошеломивший новизной формы, музыкальностью стиля.

Гавел выстраивает в пьесах свою поэтику, находит и последовательно утверждает свое кредо: никому не подражать в композиционной гармонии. Реалист по своему убеждению, он отвергает любые искусственные приспособления, «стилизованные аранжировки» и «смешные гримасы», те средства, которые лишают пьесы настоящей занимательности, авторского обаяния, содержательного юмора. Гавел советует актерам, занятым в его пьесах: «Просто-напросто играть их как можно естественнее, т. е. правдиво, живо, тонко, соразмерно, будто это пьеса Чехова. Актеры, разумеется, должны чувствовать и легкую иронию всех диалогов, и парадоксальность, и абсурдность ситуации».

У Гавела есть свои тайны мастерства. Его пьесы можно назвать анти-пьесами. Как и Беккет, Гавел работает в формах и функциях театрального абсурда. Но у него абсурдное мышление подчинено выявлению повседневных гражданских и нравственных проблем. Причем структуры Гавела насыщены чередованием атмосфер, мотивов-антимотивов, повторением и смешением слов и реплик, монологов и целых сцен. Не интрига и не сюжет движут действие, а внутреннее, психологическое, скрытое движение ума, настроения лежат в основе его композиций. В этом смысле его сочинения — произведения критического направления. В них есть своя музыка, свои подтексты, своя поэзия. Поэтому прав Гавел, что его пьесы следует играть так, как «будто это пьеса Чехова».

Конечно, все, что делал Гавел в жизни, что любил и что ненавидел, чему поклонялся и что отвергал, — все это так или иначе отражено в его драматургии. Но я не нашел в его пьесах ни навязчивой дидактики, ни нравочечений. Нет у Гавела откровенных злодеев и добродетельных ангелов. В его диалогах — словесной «мыслительной» драматургии — рождаются характеры — герои повседневщины. В пьесе «Торжество в саду» автор разоблачает систему «управления по упразднению предприятий», при этом все

действие происходит в семействе Плу-дека, который часто произносит одну и ту же фразу: «В любую минуту может прийти Калабас». Прихода его бо-яется, но он так и не явился.

В «Уведомлении» осью композиции является история о новом официальном языке — птидепе. На нем пишутся циркуляры и приказы. Это явная абракадабра, но тот, кто не овладел птидепом, преследуется. Директора Гросса, не принявшего дурацкий птидеп, снимают с должности. На птидепе конструируется целая государственная система с центром переводов, с властной и наглой Председательницей. Автор рисует многие комические образы, наиболее яркие из них — ловкий плут и пройдоха Балаш, молодой гений Машат, подхалим Кубиш и соглядатай Йорка. Грустный, замордованный птидепом интеллектуал Гросс, прошедший все круги ада (он был даже соглядатаем), говорит в финале: «Прервалась связь времен... Мы летим на Луну, и при этом нам все труднее достучаться до собственного «Я»...

В одной из последних пьес «Ларго дезолато» Гавел пробует себя в психологической драме. Он и в этом жанре остается Гавелом — умным, ироничным сатириком, хотя здесь больше всего и занимается анализом душ и психологией. Сильная фигура доктора философии Леопольда Копр-жива подается многослойно. Повтора-ми фраз, монологов, реплик, которые произносят разные персонажи, создается абсурдная картина жизни, где затоптаны идеалы, где царят подлость, предательство и всеобщая опустошенность (ларго дезолато — итал.).

В ДРАМАТУРГИИ Гавела есть своеобразный шедевр — триптих так называемых «вانهковских» одноактных пьес («Аудиенция», «Протест» и «Вернисаж»). Главный персонаж в двух из них — Ванек. Автор не скрывает того, что в характере персонажа есть что-то от него самого: работает Ванек в пивоварне, к нему захаживает друг Когоут и т. д. Но, естественно, Ванек — это обобщенный герой комедии, это — «какой-то ключ, с помощью которого открываются разные смотровые отверстия в мир, в котором Ванек живет», — отмечает драматург. Персонаж выполняет роль катализатора, он — «лучик», в свете которого мы наблюдаем жизнь. Драматург особо подчеркивает, что «вانهковские» пьесы — это «пьесы отнюдь не о Ванеке, а о современном мире: о том, как проявляется этот мир в конфронтации с Ванеком».

Этот принцип одноактной пьесы Гавел открыл в 1975 году, написав «Аудиенцию», где есть два персонажа: Ванек, тихий интеллигент, попавший на пивоварню, и Пивовар — хитрющий дядька, упорно добивающийся от Ванека какого-то признания. Он стучит и не скрывает этого, ему что-то надо написать, но как и что? Не знает и совет его мучает. Как поймешь этих интеллигентов? Ходят в пивоварню всякие Когоуты, яхаются с Ванеком, шепчутся. А ведь Тонде Машек — парень свой и строгий, он ждет сведений, ему все нужно знать («Не можем же мы оставить его в беде»). А как

написать, чтобы и грамотно и верно было? Вот Пивовар и просит Ванека: «Ведь что тебе написать пару страничек — это ж раз плюнуть! Ты же, черт побери, писатель!»

Не такой уж идиот этот Пивовар. Ему надоели свои бабы, хочет, чтобы Ванек привел в пивоварню знаменитую актрису Богдалову — вот праздник устраим. Конечно же, рассуждает Пивовар, люди — «жуткие свиньи», интеллигенты все могут, им все можно. «Вы везде наверху, даже и тогда, когда вы — внизу». А простой человек, дескать, вынужден «барахтаться в дерьме». Не выйдет, господа интеллигенты. Прижмем вас. Так Пивовар отстаивает свои позиции. Порой что-то в его грубой и черствой душе пробуждается. Тогда он плачет, хмелея от пива, но потом в монологах снова утверждает свое сермяжное величие. Громила, стукач, подонок — и все же и человек, потому и за него больно...

Образ Ванека подается в конфронтации с «округом», с людьми, подобными Пивовару. В самом Ванеке — человечность, доброта, какой-то вечный, хотя и скромный покой.

Финал пьесы совершенно неожиданный. Ванек вроде бы уже и не Ванек — он в чем-то перенял привычки Пивовара. Вот и пойми автора. Он загадывает нам новые загадки. В симметрических и антисимметрических приемах, в сплетении слов, реплик и сцен, в музыкальной череде ремарок вырисовывается совсем не смешная комедия; выходит маленькая трагикомедия, навевающая большие и грустные мысли. И все в ней решает язык, слово. Недаром же Гавел повторял, что «язык — сотворец жизни, судеб и мира».

Одноактная «Аудиенция» положила начало в чехословацкой драматургии новому жанру «вانهковских» маленьких комедий. Их писали Павел Когоут, Павел Ландовский, Иржи Динстбир.

Нет возможности рассказать о всех пьесах Гавела. Очевидно, еще не прошло время: пьесы его не опубликованы и не все еще переведены на русский язык. Нашим театрам предстоит овладеть опытом и техникой этого драматурга. Есть чему поучиться, есть что взять за критическим прицелом.

Ну а что драматург Вацлав Гавел — президент ЧССР, этим теперь не удивишь. Папа римский Иоанн Павел II — поэт, драматург, философ, тоже автор нескольких пьес. Польский режиссер Ежи Краковский, поставивший пьесу Войтылы в Кракове, рассказывал мне в 1979 году, какое неслаханное множество заявок от зрителей всей Польши получил тогда театр: всем хотелось посмотреть спектакль, поставленный по пьесе папы римского.

Президент Франции Помпиду был блестящим филологом и безукоризненным знатоком искусства.

Интеллектуалы приходят к власти, и в этом проявляется благородный знак нашего времени.

Владимир ФРОЛОВ,
доктор искусствоведения, профессор.
ПРАГА — МОСКВА.